

Далее последовал отрывок из «Путешествия на Запад» под названием «Три удара по Демону белой кости» в исполнении Тан Вэньхао. Он играл роль Сунь Укуна, и его боевые сцены также выглядели несколько скованно. Как и Люй Чжунтин, он только сегодня впервые серьёзно соприкоснулся с этим искусством, поэтому исполнение было средним — не слишком выдающимся, но и не провальным. Проще говоря, оно не отличалось особой оригинальностью, однако в целом актёр смог передать основное содержание, а синхронизация движений с голосом была достаточно гладкой. Зрители всё же оценили его старания.

Следующим на сцену вышел Тянь Чжэньян, который двадцать лет назад был учеником театра теней. Его идея совпала с замыслом Янь Мулиня: он выбрал пьесу с небольшим количеством боевых сцен — «Пастух и Ткачиха». Естественно, он играл роль Пастуха, который подглядывал за купанием семи небесных фей. Его выступление было полным юмора, с моментами, вызывавшими взрывы смеха, особенно в сцене подглядывания. Зрители смеялись до слёз, его движения были естественными, а игра — точной. Отличная работа! Раздались даже аплодисменты и свист!

Тянь Чжэньян вытер пот и покинул сцену. Янь Мулинь и его команда, уже готовые, быстро заняли свои места с реквизитом. У них было всего три минуты на подготовку, пока ведущий на сцене шутил, чтобы выиграть время. За кулисами Янь Мулинь и его команда занимали позиции, готовили инструменты, настраивали струны.

Янь Мулинь кивнул всем, дав сигнал осветителям, что они готовы. Свет на экране мгновенно вспыхнул, и началось представление «Павлины летят на юго-восток».

Янь Мулинь выбрал стиль театра теней из Хайнина провинции Чжэцзян, относящийся к эпохе Южной Сун. Хайнинский театр теней — это древнее искусство ханьцев. Будучи привнесённым в эпоху Южной Сун, оно слилось с местными мелодиями «Хайтанские песни соляных рабочих» и «Хайнинские народные напевы», а также впитало в себя классические мотивы «Иянского напева», преобразовав северные мелодии в южные. В результате возникла музыка с двумя основными напевами — «Иянским» и «Хайянским», — отличающаяся ярким и плавным ритмом.

В прошлой жизни Янь Мулинь несколько лет был учеником и изучал именно хайнинский стиль. Он уважал традиционное искусство и не собирался его изменять. Хайнинский театр теней требовал особого, глубокого ощущения атмосферы водного края. Однако, поскольку его наставник, мастер Бянь, не был выходцем из хайнинской труппы, куклы, которыми управлял Янь Мулинь, не имели характерных черт хайнинского стиля: минимальной резьбы, яркой раскраски, однослойного нанесения краски, округлых лиц, одностороннего профиля, сдержанной гиперболизации, близости к реальности и сильного «человеческого» оттенка. С другой стороны, в первом эпизоде программы он не хотел слишком перетягивать внимание на себя, чтобы не напугать Чжоу Вэньцин.

Под сильным светом со сцены куклы в руках Янь Мулиня стали прозрачными и яркими. С помощью бамбуковых палочек он управлял ими, делая движения живыми. В его команде, помимо музыкантов за сценой, на авансцене куклами управляли ещё четверо, включая его самого.

В соответствии с сюжетом «Павлины летят на юго-восток», трёх человек было достаточно для завершения представления. У их ног стояли ящики с куклами, отсортированными по категориям, и актёры могли быстро взять нужную для сцены. Пьеса рассказывала историю глубоко любящих друг друга Цзяо Чжунцина и Лю Ланьчжи, которые были вынуждены расстаться и покончить с собой, обличая жестокость феодальных обычаев и воспевая

искренние чувства и дух сопротивления пары.

Пьеса была сокращена, и её продолжительность стала меньше, чем в обычных театральных постановках. Сжатый сюжет был более динамичным, а отточенные реплики и мелодии лучше запоминались. Это было результатом обсуждений Янь Мулиня с членами труппы, которые ежедневно давали до сорока представлений и также сокращали текст и содержание, что совпало с его идеей.

Причина сокращения была проста: он предполагал, что как старшие коллеги, так и Тао Байчэнь, вероятно, выберут определённые, эффектные роли. Сегодня же Янь Мулинь пошёл против течения. Он хотел привлечь внимание не только зрителей в зале, но и телеаудитории. Он надеялся, что его выступление станет приятным сюрпризом, а не шоком.

Под аккомпанемент флейты и эрху зазвучала мелодичная музыка южного Китая.

Нежный женский голос, сопровождаемый плавными классическими мелодиями, рассказывал о годах страданий:

— Мой супруг, в тринадцать лет я уже ткала белый шелк, в четырнадцать научилась шить одежду. В пятнадцать освоила игру на конхоу, в шестнадцать читала стихи и книги. В семнадцать стала твоей женой, но в сердце всегда была боль и печаль...

Цзяо Чжунцин сжал руку жены и тихо прошептал:

— Моя жена, ты столько страдала.

Жена Лю Ланьчжи посмотрела на мужа:

— Я больше не могу терпеть приказы твоих родителей, оставаться здесь бесполезно. Пожалуйста, сообщи им и отправь меня обратно в дом моих родителей.

Цзяо Чжунцин просто произнёс:

— Ланьчжи...

Лю Ланьчжи бросилась в объятия мужа, рыдая.

В этой сцене жена рассказывала о своих страданиях, а муж терпеливо слушал и утешал её мягким голосом. Завершалась она трогательным объятием супругов.

Мелодия южного Китая внезапно изменилась, став более напряжённой. На экране исчезли образы нежной женщины и её мужа-чиновника, сменившись женщиной лет сорока-пятидесяти, сохранившей привлекательность, — матерью Цзяо Чжунцина.

Цзяо Чжунцин выразил матери свою непоколебимую любовь к жене, но был встречен резкой критикой. Её голос был громким, как у злой фурии:

— Ты такой упрямый и уколобый! Твоя жена ленива и своевольна, она не похожа на жену. Она мне не нравится, прогони её!

Цзяо Чжунцин с горечью воскликнул:

— Мать, как ты можешь?

Сварливая мать парировала:

— Я уже присмотрела для тебя добродетельную девушку из восточного соседства. Скоро ты разведешься с этой неподобающей женой и женишься на той, которую я выбрала!

...

После долгих споров Цзяо Чжунцин, не сумев переубедить мать, с горечью отправил свою нежную и красивую жену обратно в дом её родителей, пообещав, что однажды вернёт её.

Прощаясь со свекровью, Лю Ланьчжи была одета в роскошные одежды, её красота была непревзойдённой, но та даже не взглянула на неё. Возможно, голос Лю Ланьчжи был слишком спокойным, когда она рассказывала о том, что сделала для семьи, но эта горечь глубоко тронула сердца многих женщин в зале. В условиях феодального общества Ланьчжи была действительно несчастна.

Когда супруги прощались, они изливали друг другу свои чувства, и снова их глаза наполнились слезами.

...

Вернувшись домой, мать и старший брат Лю Ланьчжи решили выдать её замуж за другого. Ланьчжи, не в силах сопротивляться, вступила в спор с жестоким братом и матерью, что стало отдельной сценой. Она была в отчаянии, её аргументы не нашли понимания у брата.

Жестокий брат, узнав, что сестра отказалась от предложения высокопоставленного чиновника, был крайне недоволен и раздражён. Он сам решил устроить её свадьбу:

— Свадьба состоится! Я найду сваху, чтобы назначить дату!

...

Узнав, что его жена выходит замуж за другого, Цзяо Чжунцин пришёл к Ланьчжи. Они, глядя друг другу в глаза, плакали.

Цзяо Чжунцин обнял жену и твёрдо сказал:

— Твёрдый камень пролежит тысячу лет, а тростник, хоть и гибкий, сломается за день...

Слёзы катились по его щекам. Ланьчжи, рыдая, сказала бывшему мужу:

— Встретимся в мире ином. Не нарушай сегодняшнего обещания!

Они вернулись домой, чтобы попрощаться с родителями. Однажды на закате один из них бросился в реку, а другой повесился на ветке дерева во дворе.

Их встреча в мире ином стала вечной.

Представление закончилось.

Женщины в зале вытирали слёзы, не забывая аплодировать актёрам за кулисами. Выступление было настолько проникновенным, что зрители хотели бы хорошенько проучить упрямую мать Цзяо и жестокого брата Лю, разрушающих чужую любовь и брак, — это было просто невыносимо!

Нежный голос Лю Ланьчжи, полный горечи, вызывал глубокое сочувствие. Её вынужденное подчинение как замужней женщины, её сдержанность перед лицом семейных трудностей — всё это заставляло зрителей хотеть обнять эту несчастную древнюю женщину.

Некоторые мужчины в зале задумались: «Жену нужно выбирать такую, как Ланьчжи — добродетельную, мудрую и нежную, и беречь её. Конечно, и домашнюю „тигрицу“ тоже нужно любить, ведь рожать детей, вести хозяйство и работать — это непросто, это тяжёлый труд».

С чувством лёгкой грусти зрители поняли, что билеты на сегодняшний спектакль театра теней стоили своих денег. Каждая постановка принесла им радость, грусть, гнев и умиление.

[Примечание: «Павлины летят на юго-восток» — классическая китайская поэма, повествующая о трагической любви. Хайнинский театр теней — реально существующая школа со своими характерными стилистическими особенностями, описанными в тексте. «Иянский» и «Хайянский» — традиционные оперные стили пения.]

<http://bllate.org/book/16339/1476153>